

Внешние факторы экономического развития России: неэквивалентный обмен на постсоветском пространстве

Комолов Олег Олегович

Институт экономики РАН, Москва, Россия, e-mail: oleg_komolov@mail.ru

Цитирование: Комолов О.О. (2026). Внешние факторы экономического развития России: неэквивалентный обмен на постсоветском пространстве. *Terra Economicus* 24(3), 36–49.
DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-3-36-49

Статья посвящена проблеме неэквивалентного обмена в современной мировой экономике, а также роли и места России в центрo-периферических отношениях на постсоветском пространстве. Автор опирается на подход школы новой интерпретации трудовой теории стоимости, а также идеи структурализма и традицию мир-системного анализа. Гипотеза статьи заключается в том, что российская экономика, оставаясь центром постсоветского мира, выстраивает неэквивалентные отношения с соседями, реализуя преимущества в распределении и потреблении стоимости через канал абсолютной ренты. Вместе с этим российская экономика остается периферией для индустриально развитых стран Западной Европы, передавая в их пользу значительную часть стоимости, созданную трудом российских работников. Цель исследования заключается в том, чтобы оценить и сопоставить масштабы общих потерь и регионального приобретения стоимости российской экономикой в постсоветский период. Автором использованы данные *The Eora Global Supply Chain Database*, а также индекс отклонения обменного курса *ERDI*, основанный на принципе паритета покупательной способности. Полученные оценки подтверждают гипотезу о двойственном характере экономики России и ее полупериферийной роли в современном мире. Расчеты также доказывают усиление асимметрии между потерями и приобретениями России в отношениях неэквивалентного обмена и свидетельствуют об усилении ее чисто периферийных черт. В работе сделан вывод о риске усиления отсталости экономики России и других периферийных стран, оказавшихся под давлением протекционистской политики экономик центра.

Ключевые слова: неэквивалентный обмен; трансферт стоимости; экономическое развитие России; постсоветское пространство; абсолютная рента

External factors of Russia's economic development: Unequal exchange in the post-Soviet space

Oleg O. Komolov

Institute of Economics RAS, Moscow, Russia, e-mail: oleg_komolov@mail.ru

Citation: Komolov O.O. (2026). External factors of Russia's economic development: Unequal exchange in the post-Soviet space. *Terra Economicus* 24(3), 36–49 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-3-36-49

The paper looks at unequal exchange in today's world economy. It also examines how Russia fits into center-periphery ties across the post-Soviet area. The author relies on several frameworks. These include the "New Interpretation" of the labor theory of value. Structuralist thinking is also used. The work also draws from the world-systems approach. In the paper's main claim, Russia plays two roles at once. It can be seen as the core in the post-Soviet region. At the same time, it is still shaped as a periphery when compared with Western Europe's industrial economies. The study argues that Russia keeps lopsided links with nearby states. It also uses advantages tied to rent. Those advantages affect how value is spread and how goods are consumed inside the post-Soviet space. The comparison is made across the post-Soviet period. To do this, the author uses Eora data from the Global Supply Chain Database. The analysis also uses the Exchange Rate Deviation Index, or ERDI. The method follows purchasing power parity ideas. The results support the key hypothesis about Russia's twofold position. The study finds a dual pattern in the Russian economy. It also describes Russia as semi peripheral in the current world order. The calculations suggest that the gap between losses and gains is getting larger over time. The imbalance grows inside the unequal exchange setup. The author reads this as stronger signs of Russia's peripheral side. In the end, the paper warns about a risk. Russia could fall deeper into economic lag.

Keywords: unequal exchange; value transfer; economic development of Russia; post-Soviet space; absolute rent

JEL codes: F14; F63; P16

Неэквивалентным называют такое состояние торговых отношений, при котором один участник получает больше, а другой меньше по сравнению с паритетным обменом. В ортодоксальной традиции неравенство результатов обмена приобретает устойчивый характер лишь при условии внешних по отношению к рынку искажений. К ним относятся несовершенная конкуренция, асимметрия информации, институциональные барьеры или внеэкономическое принуждение. Однако развитие мировой экономики показывает ограниченность такого объяснения. После падения колониальной системы, а также либерализации торговли и роста мирового экспорта в 1980–2007 гг. выравнивания экономического положения бывших колоний и метрополий не произошло. Напротив, мировое неравенство доходов усилилось (Piketty, 2020). В основном это неравенство было связано с экономическими различиями между странами (Anand, Segal, 2015).

Проблема ортодоксального подхода состоит также в том, что выгоды торговли оцениваются преимущественно через изменение товарных цен. Их снижение означает, что потребитель может приобрести больше импортной продукции, что повысит общий уровень потребления. Однако потребители и производители товаров – одни и те же экономические агенты. Дешевый импорт способен вытеснять национальное производство, сокращая выпуск в отраслях, участвующих в международной торговле. Это может вести к деиндустриализации, потере рабочих мест и доходов населения. В результате краткосрочный выигрыш от снижения цен может обернуть-

ся долгосрочными потерями. Эти диспропорции особенно усиливаются, когда торговые связи складываются между странами, находящимися на разном уровне экономического развития.

Это противоречие проявляется в теории сравнительных преимуществ. Согласно ей, даже страна, не обладающая абсолютными преимуществами, выигрывает от специализации на товарах с меньшими относительными издержками. При этом предполагается, что сокращение производства в одних отраслях может быть компенсировано расширением других, способных завоевать внешний рынок. Как отмечает Р. Байман, такая компенсация возможна лишь при сопоставимом научно-техническом и социально-экономическом потенциале стран (Baiman, 2010: 432–433). Если же разрыв велик, промышленно слабая страна не может обеспечить объем экспорта, достаточный для оплаты необходимого импорта по заданным относительным ценам. При сильном расхождении факторных издержек интервалы возможных относительных цен у стран не пересекаются, а складывающееся равновесие Байман называет «угловым», т.е. безальтернативным для менее развитой страны, которая оказывается в положении полной специализации. На практике это означает высокую зависимость от рыночной конъюнктуры, деиндустриализацию и рост безработицы. В то же время малый объем прибавочного продукта ограничивает накопление капитала. Тем самым затрудняется модернизация, которая могла бы изменить положение периферийной экономики в международном разделении труда.

Исходя из предпосылок ортодоксальной теории, в стране с дефицитом внешней торговли происходит отток золота (иностранной валюты) и, как следствие, девальвация национальной валюты. Результатом этого должно стать удорожание импорта и удешевление экспорта, приводящее торговлю к балансу. Однако такой подход ставит знак равенства между торговым и платежным балансами, игнорируя операции с капиталом и финансовыми активами. Как пишет Шайх, «...страна с торговым профицитом будет испытывать увеличение ликвидности, что приведет к снижению процентной ставки, в то время как страна с торговым дефицитом будет испытывать сжатие ликвидности и повышение процентной ставки – все это происходит в рамках нормального функционирования рынков капитала. Возникшая в результате торговых дисбалансов разница в процентных ставках спровоцирует [...] отток капитала из страны с торговым профицитом в страну с торговым дефицитом» (Shaikh, 2016: 509). В результате у страны с конкурентным преимуществом возникнет торговый профицит, и страна станет международным кредитором. В то же время страна, проигравшая конкуренцию, будет финансировать торговый дефицит, превратившись в чистого заемщика. При этом цены и валютный курс могут или вообще не измениться, или измениться незначительно и не обеспечивать торгового баланса. В случае хронического дефицита торговли нетто-импортер будет наращивать внешний долг, тратить валютные резервы, прибегать к приватизации национальных активов. Все это создает риск деиндустриализации и сжатия выпуска в торгующих отраслях. В случае, если девальвация валюты нетто-импортера все же происходит, это также не гарантирует достижения торгового баланса через выравнивание условий торговли (отношения цен экспортируемых и импортируемых товаров). Если в производстве страны велика импортная составляющая (сырье, энергетические ресурсы, станки и т.п.), цены экспортных товаров могут не измениться, измениться незначительно или даже вырасти. Тем временем нетто-экспортер может препятствовать укреплению национальной валюты формированием избыточных международных резервов, а сравнительные соотношения издержек могут измениться недостаточно для достижения специализации.

Эти факторы учитываются в теории реальной конкуренции, которую А. Шайх противопоставляет ортодоксальным теориям международной торговли. На мировом рынке конкурируют фирмы, и в каждой отрасли побеждает тот, кто способен продавать товар по цене, заданной минимальными удельными операционными издержками (зарплата на единицу выпуска, материалы, амортизация и т.д.) (Shaikh, 2016: 259). Данный уровень задается регулирующим капиталом, который выполняет функцию ценового лидера. Менее развитой стране для удержания рыночной ниши необходимо снижать издержки – повышать производительность и / или снижать цену рабочей силы. В противном случае она сталкивается с сокращением выпуска в торгуемых секторах, ростом безработицы и снижением загрузки производственных мощностей, а покрытие торгового дефицита принимает форму роста внешних обязательств.

Противоположный ортодоксальному подход к проблеме глобальных торговых диспаритетов предлагает трудовая теория стоимости. Исходя из этой академической традиции, эквивалентным признается лишь такой обмен, при котором в товарах заключены равные затраты общественно необходимого рабочего времени. При этом, как показывает школа новой интерпретации трудовой теории стоимости, в масштабах мировой торговли закон стоимости искажается. Сумма стоимостей по всей экономике остается равной сумме цен, однако каждый конкретный товар может продаваться по цене, долгосрочно отклоняющейся от трудовой стоимости как в большую, так и в меньшую сторону. Более богатая страна может получать больше труда за свой товар, чем отдает взамен, даже если для ее менее развитого партнера сама сделка остается формально выгодной.

Первую фундаментальную работу об этой проблеме издал А. Эммануэль, который связывал неэквивалентный обмен с межстрановыми различиями в заработной плате (Emmanuel, 1972). В силу того, что капитал перемещается между странами быстрее, чем рабочая сила, норма прибыли стремится к межстрановому выравниванию, в отличие от зарплат, которые остаются твердыми. В развитых странах высокую заработную плату поддерживают профсоюзы и социальная политика государства. В результате товары, произведенные в сходных технических условиях, получают разные цены, т.е. продукция страны с дешевой рабочей силой продается ниже стоимости, а часть стоимости, не нашедшей денежного выражения, переходит к странам с более высокой оплатой труда.

Такой подход развивает З. Коуп (Cope, 2019). Он отмечает, что стоимость, отчуждаемая у работников Глобального Юга, трансформируется в высокий уровень социальных стандартов в странах Севера. Отчуждение стоимости происходит через дешевый импорт и высокие прибыли корпораций центра, которые формируют большие национальные бюджеты за счет налогов. Кроме того, пенсионные фонды развитых стран, выступая крупнейшими институциональными инвесторами, вкладывают средства на фондовые рынки, в том числе за рубежом. В результате работник страны Севера за счет своих пенсионных накоплений становится получателем дохода от капитала, эксплуатирующего труд в менее развитых странах. На таком фундаменте складывается широкая прослойка рабочей аристократии в странах центра.

С. Амин, развивавший мир-системный подход, не соглашался с таким выводом. По его оценке, изымаемая стоимость превращается прежде всего в империалистическую ренту транснационального капитала (Amin, 2012). Распад колониальных империй изменил форму зависимости: прямое насилие уступило место экономическому принуждению, осуществляемому через рыночные связи. Присвоение стоимости происходит посредством «ножниц цен» между сырьем и товарами промышленного производства, контроля центра над производительными звеньями глобальных цепочек стоимости, валютного диспаритета, а также перетока экспортной выручки периферийных стран на финансовые рынки центра. В исследованиях монополистического капитала рассматривается, как рыночная власть позволяет перераспределять стоимость. С.Л. Выгодский отмечал, что монополии получают прибыль не только «по капиталу», но и «по силе», т.е. благодаря своей монопольной власти (Выгодский, 1975: 196–197, 218). В международной торговле такая власть позволяет сбывать товары по монопольно высоким ценам и приобретать сырье по монопольно низким. Для этого не обязательно полное искоренение конкуренции. П. Баран и П. Суизи показывали, что ТНК могут извлекать «излишек» и при олигопольном устройстве рынка, поскольку «способны удерживать цену близко к монопольной» (Baran, Sweezy, 1966: 67) и «превращать снижение издержек не в удешевление товара, а в расширение прибыли» (Там же: 71).

Таким образом, возможность присвоения стоимости закрепляется в самом устройстве рынка: его участники обладают неодинаковой силой, позволяющей одним поддерживать более высокую норму прибыли по сравнению с конкурентной средой. А.В. Бузгалин и А.И. Колганов связывают эту зависимость с контролем центра над технологиями, кредитом, каналами сбыта, стандартами и политическими институтами (Бузгалин, Колганов, 2015: 321). С такой позиции неэквивалентный обмен выступает устойчивой формой глобальной эксплуатации, встроенной в отношения современного капитализма.

А. Риччи рассматривает проблему с позиций новой интерпретации трудовой теории стоимости. Он исходит из того, что стоимость создается трудом, но получает общественное признание

только в денежной форме. Продажа не создает стоимость заново, а подтверждает, что труд, затраченный на производство товара, был общественно необходимым. В применении к мировой торговле это означает, что источник неэквивалентности следует искать в расхождении между трудовым содержанием товара и его денежной реализацией.

Для описания этого соотношения Риччи использует показатель денежного выражения рабочего времени (MELT) – отношение созданной добавленной стоимости к совокупным трудозатратам (Ricci, 2016). На уровне мировой экономики общей мерой сопоставления национальных единиц абстрактного труда выступает универсальный труд. При этом труд в разных странах может получать неодинаковое денежное выражение. Если труд страны реализуется ниже мировой денежной меры, это означает передачу части созданной стоимости вовне. Оценка выше мирового MELT – ее приток из других частей мировой экономики. Риччи выделяет две формы неэквивалентного обмена. Первая – дифференциальная рента, возникающая из межотраслевых различий в специализации стран, органическом строении капитала и производительности труда. Дифференциальную ренту извлекают страны, обладающие преимуществами в производстве товаров (технологическая, сырьевая рента и т.д.). Вторая – абсолютная рента, связанная с различиями между странами внутри одной отрасли. Сопоставимые товары могут реализовываться на разных денежных условиях благодаря более развитым институтам, силе национального государства во внешней политике и монопольной власти ТНК. Таким образом, абсолютная рента возникает в связи с преимуществами отдельных стран на этапе распределения и реализации стоимости.

Обе формы ренты усиливают друг друга. Высокая заработная плата, контроль над технологиями и сильные институты центра способствуют сосредоточению в нем наиболее прибыльных стадий производства. В свою очередь, сверхприбыль, которую обеспечивают бренды, технологии и глобальные цепочки стоимости, укрепляет эти преимущества. А страны периферии вынуждены сохранять специализацию в низкопроизводительных звеньях ГЦС и снижать издержки посредством внутренней девальвации. Это закрепляет различия между странами в условиях международного обмена и служит одним из факторов мирового неравенства.

Таким образом, во-первых, неэквивалентный обмен не тождественен невыгодному обмену. Во-вторых, денежное выражение трудовой стоимости зависит от того, сколько общественно необходимого труда рынок признал в товаре конкретного производителя. Рентные отношения между странами, значительно усилившиеся в условиях глобализации второй половины XX в. – первой четверти XXI в., становятся причиной долгосрочных отклонений цен товаров от их трудовых стоимостей. Это создает устойчивые отношения неэквивалентности в обмене.

Неэквивалентный обмен на постсоветском пространстве

После того как распался СССР, Россия осталась экономическим центром для стран на постсоветском пространстве¹, а российские компании занимают доминирующее положение в энергетике, сельском хозяйстве, финансах и сфере военного производства. Когда усилились международные санкции, а мировая экономика пошла по пути фрагментации, контакты с соседними государствами стали приобретать большее значение. В итоге вес постсоветских стран во внешней торговле России поднялся с 12,9% в 2019 г. до 14,6% в 2023 г.² Причиной тому стали антироссийские рестрикции, а также параллельный импорт и сохранившиеся производственные цепочки советского периода, общая транспортная сеть и энергетическая система, схожие правовые нормы и культурная близость. Постсоветский регион – одно из важных мест приложения российского капитала, и этот регион играет роль полупериферии в мировой экономике. Он одновременно является региональным лидером, находясь при этом в зависимом положении от более развитых государств Запада (Комолов, 2024). Такая двойственная, противоречивая позиция России по-

¹ К странам этой группы в данном исследовании отнесены Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Киргизстан, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Украина и Узбекистан.

² Дмитрий Вольвач: регионы России успешно справляются с выстраиванием партнерских отношений с иностранными государствами. Министерство экономического развития РФ, 5 апреля 2024. https://economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_regionu_rossii_uspeshno_spravlyayutsya_s_vystraivaniem_partnyorskih_otnosheniy_s_inostrannymi_gosudarstvami.html (дата обращения: 01.04.2026).

зволяет поставить вопрос, во-первых, о направлении трансфера стоимости на постсоветском пространстве и, во-вторых, о том, какую долю внешних потерь стоимости в мировом масштабе страна компенсирует на региональном уровне. Это также позволит определить участников постсоветской интеграции, которые занимают относительно более выгодное положение в плане взаимных торговых связей, а также те страны, которые в большей степени испытывают отток стоимости.

Для решения поставленной задачи будет использована база данных The Eora Global Supply Chain Database, в частности ее агрегированная версия Eora26³. Эта база представляет собой глобальную многорегиональную систему таблиц «затраты-выпуск», охватывающую большинство стран мира.

Для расчета величины трансфера стоимости используется следующее уравнение:

$$T_i^{\$} = \left(1 - \frac{1}{ERDI_i}\right) \cdot (DVA_i + DVX_i),$$

где $T_i^{\$}$ – расчетная величина трансфера стоимости; DVA_i – внутренняя добавленная стоимость, воплощенная в национальном экспорте, в долларах; DVX_i – внутренняя добавленная стоимость, воплощенная в иностранном экспорте, в долларах; $ERDI$ (Exchange Rate Deviation Index) – индекс отклонения рыночного валютного курса от паритета покупательной способности для страны. Он рассчитывается так:

$$ERDI_{ij} = \frac{e_i^{\$}}{e_i^p},$$

где $e_i^{\$}$ – текущий рыночный валютный курс страны i к доллару (долларовое выражение единицы национальной валюты); e_i^p – курс, рассчитанный по паритету покупательной способности

Поскольку расчеты $ERDI$ включают показатель ППС к доллару, ориентиром при анализе трансфера стоимости станет экономика США. Если $ERDI > 1$, значит, универсальная абстрактная единица труда страны оценивается выше денежного выражения рабочего времени в США. Это означает приток стоимости в страну из-за рубежа. В обратном случае единица национального труда оказывается недооцененной относительно США. Переток стоимости между странами, таким образом, определяется в зависимости от степени недо- или переоцененности их национальных валют относительно американской экономики.

Указанный метод включает в себя только канал абсолютной ренты, т.е. факторы превосходства страны в распределении и присвоении стоимости. Факторы, обеспечивающие преимущества в создании стоимости (дифференциальная рента), остаются за границами настоящего исследования. Это связано с недоступностью агрегированных данных об отраслевых трудовых затратах в рассматриваемых странах. Однако, как показывает А. Риччи, в условиях глобализации конца XX в. – начала XXI вв. абсолютная рента играет роль ключевого канала неэквивалентного обмена. В 1995 г. абсолютная рента обеспечивала 44,8% трансфера стоимости в мировой экономике, а к 2007 г. эта доля выросла до 64,2% (Ricci, 2021: 213). Это объясняется следующими факторами. Во-первых, отраслевые структуры национальных экономик постепенно сближаются. Глобальные цепочки добавленной стоимости (ГЦС) изменили характер международного разделения труда и в значительной степени стерли границы между аграрной периферией и индустриальным центром мировой экономики. Значимость межотраслевого трансфера стоимости, основанного на отличиях в капиталовооруженности, снизилась. В этих условиях роль стран в центр-периферических отношениях зависит от их места в глобальной цепочке создания стоимости (добыча сырья, производство комплектующих, финальная сборка, маркетинг, разработка дизайна и программного обеспечения и другие функции). Во-вторых, в первой четверти XXI в. возросла регуляторная роль во внешнеэкономических связях. Это проявляется в форме валютных войн, торговых санкций, дипломатического давления и пр. Кроме того, усилилась роль глобальных корпораций, базирующихся преимущественно в странах центра. Они обладают контролем над каналами распределения товаров и обретают способность сохранять сверхприбыль независимо от места размещения производственных мощностей. Эти обстоятельства усиливают значение факторов присвоения и распределения стоимости, т.е. канала абсолютной ренты.

³ Eora26, The Eora Global Supply Chain Database. World MRIO. <https://worldmrio.com/eora26/> (дата обращения: 01.04.2026).

Чтобы высчитать показатели DVA и DVX по годам, необходимо провести преобразование таблиц перетока добавленной стоимости $EORA$ методами матричной алгебры. Они описаны в работе М. Ленцена с коллегами (Lenzen et al., 2013). В результате будет получена величина трансферта стоимости из выбранного набора стран во внешний мир. Из матрицы коэффициентов прямых затрат A формируется обратная матрица Леонтьева $B = (I - A)^{-1}$, которая учитывает полный прямой и косвенный выпуск, необходимый для удовлетворения конечного спроса. Диагональная матрица коэффициентов добавленной стоимости V выделяет из этого выпуска добавленную стоимость, воплощенную в экспортных потоках. Для каждой пары стран элементы соответствующего отраслевого блока агрегируются в страновой блок. Диагональные блоки соответствуют DVA , а внедиагональные элементы строки – DVX . Указанные блоки относятся к матрице добавленной стоимости в экспорте ($F = VBE$), где (E) – диагональная матрица валового экспорта по странам и отраслям. Рассчитанные на их основе показатели DVA и DVX затем подставляются в формулу трансферта стоимости с учетом $ERDI$.

Расчеты на глобальном и региональном уровнях решают разные аналитические задачи. На глобальном уровне оценивается положение страны относительно мирового валютно-ценового ориентира (например, США, если при расчете $ERDI$ используется паритет покупательной способности с долларом). Чтобы оценить внутрирегиональное перераспределение стоимости между странами постсоветского пространства, сопоставить относительные позиции стран, необходимо дополнить метод еще одной итерацией. Расчеты перетока стоимости через каналы абсолютной ренты необходимо провести относительно регионального «эталона». В нашей модели его роль будет играть Россия – крупнейшая экономика постсоветского пространства в торговом, инвестиционном, финансовом и политическом аспекте. Так, с 2013 до 2017 гг. в торговле между странами ЕАЭС доля рубля выросла с 61,8% до 74,9%⁴.

В качестве нормирующего показателя введем региональный показатель $ERDI_r$ – отношение $ERDI$ стран постсоветского пространства к российскому значению:

$$ERDI_{r,t} = \frac{ERDI_{i,t}}{ERDI_{RUS,t}},$$

где i – страна, t – год.

В результате уравнение перетока стоимости $T_i^{r\$}$ между странами внутри региона будет выглядеть следующим образом:

$$T_{i,t}^{r\$} = \left(1 - \frac{1}{ERDI_{r,t}}\right) \cdot (DVA_{i,t} + DVX_{i,t}).$$

Это уравнение задает модификацию агрегированного показателя трансферта стоимости для регионального уровня. Компонент $\left(1 - \frac{1}{ERDI_{r,t}}\right)$ включает денежно-курсовой диспаритет страны i по отношению к России. При $ERDI_{r,t} < 1$ он принимает отрицательное значение и отражает менее выгодную валютную позицию данной экономики внутри региона. В обратном случае, при $ERDI_{r,t} > 1$ знак становится положительным, а страна получает приток стоимости из внешнего мира. Вторая часть уравнения описывает стоимостную базу, которая реализуется в экспорте на диспаритетных условиях.

Расчеты трансферта стоимости по странам представлены в таблице 1.

Результаты расчетов указывают на то, что все рассматриваемые государства постсоветского пространства (за исключением стран Балтии) в рамках взаимной торговли в течение указанного периода сталкивались с потерей стоимости по отношению к внешнему миру, что связано с систематической недооценкой их национальных валют относительно паритета покупательной способности. В абсолютном выражении наибольшая величина трансферта стоимости приходится на экономику Украины и составляет 1,1 трлн долл., что эквивалентно 45,6% совокупного

⁴ О платежах за экспорт и импорт товаров и услуг в 2017 году. ЕЭК. https://eec.eaunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/express_information/ei_payments/express_payments_2017.pdf (дата обращения 15.03.2026).

ВВП страны за рассматриваемый период. К группе стран с максимальными потерями относятся также Кыргызстан и Таджикистан, где отток стоимости достигал соответственно 48,4% и 39,1% совокупного ВВП за период с 1992 по 2017 гг. Наибольшие потери на душу населения в 2017 г. понесли Беларусь, Казахстан, Украина, Грузия и Азербайджан: соответственно 6,2 тыс., 1,9 тыс., 1,8 тыс., 1,3 тыс. и 1,3 тыс. долл. Минимальное значение приходится на Молдову, что может быть связано с относительно малым объемом экспорта добавленной стоимости в рамках постсоветского региона⁵.

Таблица 1
Трансферт стоимости в торговле стран постсоветского пространства (1992–2017⁶ гг.)

Страна	Общий отрицательный трансферт, млрд долл.	Общий отрицательный трансферт, % ВВП ⁷	Относительно РФ, млрд долл.	Относительно РФ, % ВВП	Во внешний мир, млрд долл.	Во внешний мир, % ВВП	Общий трансферт на душу населения в 2017 г., долл.
Армения	19,1	12,7	3,2	2,1	15,9	10,5	1 103,80
Азербайджан	129,9	19	35,1	5,1	94,7	13,8	1 332,50
Беларусь	175,1	19	26,1	2,8	149	16,2	6 245,20
Грузия	33,2	15,2	5,3	2,4	27,9	12,8	1 367,10
Казахстан	343,6	14,9	47,6	2,1	295,9	12,9	1 909,10
Кыргызстан	46,1	48,4	12,7	13,3	33,4	35,1	643,5
Молдова	0,7	0,6	0,1	0,1	0,6	0,5	16,6
Россия	828,2	3,3	0	0	828,2	3,3	630,3
Таджикистан	37,7	39,1	10,1	10,4	27,7	28,6	253
Туркменистан	49,8	12,6	5,1	1,3	44,7	11,3	413,3
Украина	1 101,70	45,6	280	11,6	821,7	34	1 772,50
Узбекистан	186	20,1	47,9	5,2	138	14,9	584,7

Источник: составлено автором на основании данных UNCTAD-Eora Global Value Chain Database, <https://worldmrio.com/eora26/>; Population, total, World bank, <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL>; Price level ratio of PPP conversion factor (GDP) to market exchange rate, World bank, Price level ratio of PPP conversion factor (GDP) to market exchange rate, <https://data.worldbank.org/indicator/PA.NUS.PPPC.RF>; GDP (current US\$), World bank, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 15.03.2026).

Отдельного комментария заслуживает результат для Беларуси. Согласно расчету, в 2017 г. страна испытала наибольшую в регионе потерю стоимости на душу населения – 6,2 тыс. долл. На такую оценку могло повлиять введение санкций Европейского союза против России и ответных ограничительных мер в августе 2014 г. В этот период часть импортной продукции европейского происхождения поступала в Россию через территорию Беларуси в форме реэкспорта. При этом в белорусской таможенной статистике соответствующие товары зачастую отражались как продукция национального производства. В результате показатель DVA в экспорте резко вырос: в 2015 г. он превысил уровень 2014 г. в 7,5 раза, а в 2017 г. – в 9,2 раза. Чтобы исключить влияние фактора реэкспорта, заменим в расчетах значения DVA за 2015–2017 гг. средней величиной показателя за предшествующие четыре года. Результаты обновленного расчета представлены в таблице 2.

⁵ База данных Eora26 доступна для использования на безвозмездной основе для академических целей за период с 1992 по 2017 гг.

⁶ База данных UNCTAD-Eora Global Value Chain Database доступна на безвозмездной основе для академических целей до 2017 г.

⁷ Показатель в % ВВП рассчитывается как отношение суммы годовых расчетных величин трансферта стоимости за 1992–2017 гг. к сумме номинального ВВП страны за тот же период. Он используется для сопоставления масштаба полученной оценки трансферта с размером национальной экономики. Показатель не означает, что ВВП страны фактически сократился или оказался ниже на соответствующую величину, и не представляет собой оценку недополученного выпуска или национального дохода.

Таблица 2

Альтернативная оценка трансферта стоимости Беларуси за 1992–2017 гг.

Страна	Трансферт стоимости		Относительно РФ, млрд долл.		Во внешний мир		Общий трансферт на душу населения в 2017 г., долл.
	млрд долл.	%ВВП	млрд долл.	%ВВП	млрд долл.	%ВВП	
Беларусь	84,7	9,2	14,6	1,6	70,1	7,6	396,0

Источник: составлено автором на основании данных UNCTAD-Eora Global Value Chain Database, <https://worldmrio.com/eora26/>; Population, total, World bank, <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL>; Price level ratio of PPP conversion factor (GDP) to market exchange rate, World bank, Price level ratio of PPP conversion factor (GDP) to market exchange rate, <https://data.worldbank.org/indicator/PA.NUS.PPPC.RF>; GDP (current US\$), World bank, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 15.03.2026).

В альтернативном сценарии величина переданной стоимости на душу населения в Беларуси снижается до 396 долл. Совокупная величина потерь за 1992–2017 гг., таким образом, сокращается до 84,7 млрд долл., или 9,2% совокупного ВВП за период. В пользу России – 14,6 млрд долл., или 1,6% ВВП соответственно.

Российская экономика также имеет отрицательный совокупный трансферт стоимости во внешний мир в рамках внутрирегиональной торговли: 828,2 млрд долл., или 3,3% совокупного ВВП за период, что заметно ниже показателей большинства соседних стран. В 2017 г. отток на душу населения в России был равен 630,3 долл., что соответствует восьмому месту среди двенадцати рассматриваемых государств. При этом внутри постсоветского пространства Россия занимает более выгодную позицию. В региональном контексте российская экономика имеет положительный трансферт стоимости. За период 1992–2017 гг. его величина составила 473,2 млрд долл., или около 1,9% совокупного ВВП, что для российской экономики является небольшой величиной. Это связано с тем, что ключевым направлением внешней торговли России в последние десятилетия оставались страны Запада и Китай, а роль постсоветского пространства хотя и росла, но оставалась ограничена масштабом торговых связей России с ближайшими соседями. Однако для партнеров России на пространстве бывшего СССР и трансферт имел более существенное значение в масштабах их национальных экономик. Так, трансферт стоимости в пользу РФ составил величину, равную 13,3% совокупного ВВП Кыргызстана, 11,6% Украины и 10,4% Таджикистана.

Трансферт стоимости по каналу абсолютной ренты на постсоветском пространстве происходил в двух основных формах. Первая связана с неравными условиями воспроизводства рабочей силы между странами. Глубокий экономический спад, начавшийся после распада СССР, нанес ущерб всем постсоветским республикам. Кризис сопровождался разрушением межреспубликанских производственных связей, деиндустриализацией, дисбалансами в государственных финансах, обесценением доходов и накоплений граждан. Однако последствия кризиса для республик были неодинаковыми. Наибольший рост неравенства между странами случился после кризиса 1998 г. В 2000-е гг. Россия, Казахстан и Азербайджан получили значительные доходы от экспорта углеводородов. Всемирный банк отмечал, что рост нефтяных доходов позволил российскому государству повышать пенсии и зарплаты работников государственного сектора, расширять социальные выплаты и погашать накопившуюся задолженность по ним. Таким образом, сырьевая рента превратилась в один из ключевых источников роста доходов населения (Bossoutrot, 2005: 5). Сырьевая рента не относится к абсолютной ренте, а входит в состав дифференциального канала. Однако ее внутреннее перераспределение через бюджет – на выплату пенсий, зарплат в бюджетном секторе и развитие инфраструктуры повышает национальный стандарт воспроизводства рабочей силы.

В то же время в Молдове, Кыргызстане, Таджикистане, Армении и ряде других республик высокая безработица сочеталась с ростом трудовой миграции. С середины 2000-х гг. отток рабочей силы из Кыргызстана, преимущественно в Россию, резко увеличился. В 2014 г. переводы кыргызских мигрантов достигли 27,4% ВВП страны (Эргешбаев, Ешенова, 2016: 35). В Таджикистане они составляли 42,7% ВВП, причем более 90% средств поступало из России (Попов, 2015). В Молдове доля переводов в ВВП выросла с 11,5 до 32,8% в 2000–2006 гг. и составляла около 26% в 2014 г. (Путинцев, 2018: 34). Миграция позволяла снижать давление избыточного предложения рабочей силы, одновременно обеспечивая домохозяйства дополнительными денежны-

ми доходами из-за рубежа. Это позволяло государствам-донорам рабочей силы поддерживать низкие социальные стандарты. Одновременно Россия получала уже сформированную рабочую силу, создание и воспроизводство которой во многом были оплачены страной происхождения.

Другим фактором, определившим неравные условия воспроизводства рабочей силы, стал уровень формализации занятости. Разрушение промышленного производства в 1990-е гг. сопровождалось ростом самозанятости, мелкой торговли, натурального сельского хозяйства и неформального трудоустройства. По оценке ЕБРР, наиболее высокий уровень неформальной занятости сложился в аграрных и деиндустриализованных регионах постсоветских республик, что поддерживало там неблагоприятные институциональные условия воспроизводства рабочей силы. Так, в середине 2010-х гг. неформальная занятость в Таджикистане могла составлять от 30% до 50% общей занятости (Skakova, Livnyu, 2020: 9). Это ограничивало размер номинальных зарплат, а также сокращало расходы капитала на социальное страхование, оплату сверхурочной работы и охрану труда.

Еще одним фактором стала демографическая асимметрия. В России в течение 2000-х и особенно 2010-х гг. прирост внутреннего предложения рабочей силы был значительно ниже, чем в республиках Средней Азии, где на рынок труда выходили многочисленные молодые поколения. Это создавало разные условия формирования заработной платы. В России недостаток рабочей силы, который начал проявлять себя с начала 2010-х гг., относительно повышал цену труда по сравнению с соседними странами. В наибольшей степени это проявлялось в крупных городах, в таких отраслях, как строительство, транспорт и торговля. К фактору различий в производительности труда добавляются национальные особенности формирования рабочей силы.

Второй формой передачи стоимости между постсоветскими республиками через канал абсолютной ренты стали неравные условия присвоения прибыли, связанные с институциональными и политическими преимуществами национального капитала над конкурентами из соседних республик. К ним относится доступ к финансированию, контроль над инфраструктурой и рынками сбыта, государственная поддержка, монополизация рынков и концентрация собственности. Применительно к постсоветскому пространству такие различия складывались постепенно. В 1990-е гг. их основой стала неравномерная приватизация советского производственного комплекса. Россия унаследовала крупнейший внутренний рынок, головные структуры большинства союзных министерств, значительную часть финансовой инфраструктуры и экспортных каналов. Лидеры советской промышленности в области энергетики, металлургии, транспорта и машиностроения так оказались преимущественно под контролем российских собственников. На их основе в стране возникли вертикально интегрированные транснациональные компании, обладавшие значительно большим капиталом и переговорной силой, чем компании соседних республик.

Евразийский банк развития связывает устойчивость крупнейших российских транснациональных компаний с централизованным характером советской экономики. Модель выборочной приватизации и особый характер отношений между крупным бизнесом и государством обеспечили российский капитал институциональными преимуществами над конкурентами из соседних стран (Кузнецов и др., 2017). В небольших постсоветских экономиках приватизация проходила на фоне более глубокого дефицита бюджета, долгового кризиса, ограниченного внутреннего спроса и слабости национальных финансовых систем. Предприятия нередко переходили под контроль внешнего инвестора в результате неспособности национального капитала обеспечить их модернизацию или даже текущее обслуживание. Показателен случай Армении. В начале 2000-х гг. необходимость погашать долговые обязательства перед российской стороной стала основанием для перехода ряда армянских активов под контроль российского капитала. В рамках межгосударственной сделки «имущество в обмен на долг» Россия получила Разданскую ТЭС, оцененную в 31 млн долл. Севано-Разданский каскад ГЭС был передан РАО ЕЭС России в счет погашения 25 млн долл. задолженности Армянской АЭС перед российскими поставщиками ядерного топлива⁸. Таким образом, российская сторона обрела права собственности на инфраструктуру, а следовательно, и право на получение части будущего дохода, создаваемого внутри армянской экономики.

Особое значение имел отраслевой состав российских капиталовложений на постсоветском пространстве. По оценке Евразийского банка развития, к началу 2017 г. более половины российских прямых

⁸ Международная энергетическая корпорация получила лицензию на производство электроэнергии в Армении. РИА Новости, 5 сентября 2003. <https://ria.ru/20030123/304126.html> (дата обращения: 10.08.2026).

инвестиций в странах ЕАЭС приходилось на ТЭК; заметное место также занимали вложения в цветную металлургию, связь и информационные технологии, а также финансовый сектор, т.е. преимущественно в отрасли с высокими капитальными затратами, сетевыми эффектами, ограниченным числом участников и значительными барьерами входа⁹. Контроль над такими активами позволяет присваивать прибыль не только на стадии непосредственного производства, но и через транспортировку, распределение, кредитование и доступ к конечному потребителю. Так, к середине 2010-х гг. Газпром обрел полный или частичный контроль над газовой инфраструктурой ряда постсоветских экономик. Речь идет о ключевых газотранспортных и распределительных активах в Беларуси, Армении, Кыргызстане и Молдове.

Контроль над инфраструктурой дополнялся неравным доступом к финансированию. Российские банки могли предоставлять дочерним структурам дополнительный капитал даже в условиях, когда местные финансовые рынки не располагали сопоставимыми ресурсами. Так, в 2015–2016 гг. Внешэкономбанк, ВТБ, Сбербанк и Альфа-Банк неоднократно увеличивали капитал украинских дочерних банков. Это давало им возможность сохранять присутствие на рынке и финансировать операции в масштабах, недоступных большинству местных банков. Вместе с этим украинский пример показывает и пределы данного преимущества. Постоянные убытки и обесценение активов, особенно после событий 2014–2015 гг., привели к сокращению собственного капитала российских дочерних банков. Списание украинских активов вывело ВТБ из числа крупнейших региональных инвесторов. Таким образом, Россия выступала главным бенефициаром торговых отношений на постсоветском пространстве, извлекая абсолютную ренту благодаря благоприятным условиям воспроизводства рабочей силы и присвоения прибыли. Постоянно положительный трансфер стоимости из соседних стран позволяет России компенсировать часть потерь в отношении центра мировой экономики.

На рисунке 1 сопоставлены совокупный расчетный отток стоимости из РФ в торговле со всеми странами мира (Комолов, 2025) и расчетный приток, связанный с торговлей со странами СНГ, Грузией и Украиной.

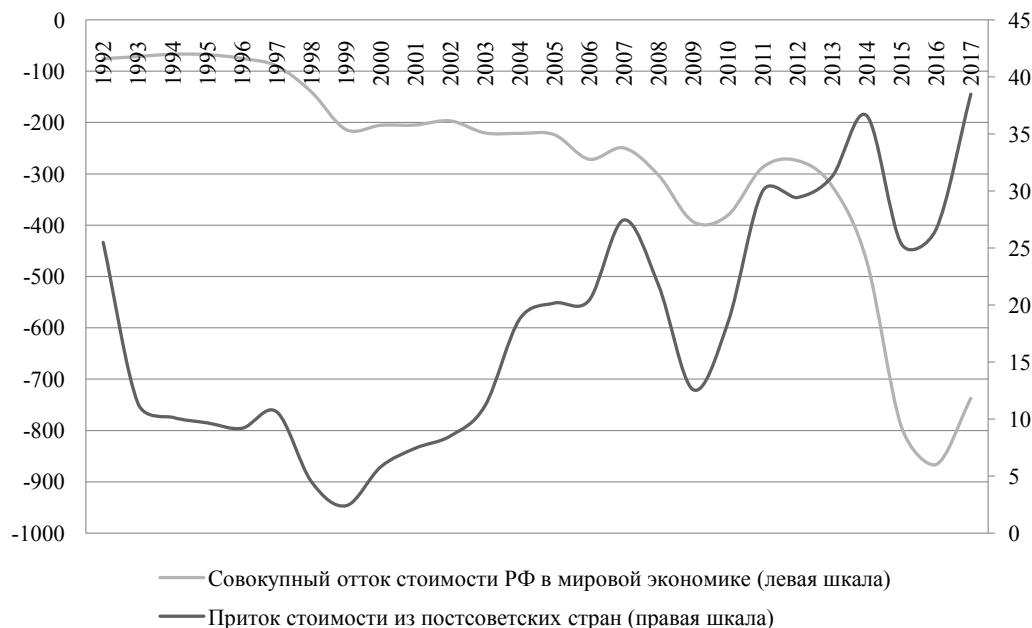

Рис. 1. Трансфер стоимости России в торговле со всеми странами мира и странами постсоветского пространства (млрд долл.)

Источник: составлено автором на основании данных UNCTAD-Eora Global Value Chain Database, <https://worldmrio.com/eora26/>; Population, total, World bank, <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL>; Price level ratio of PPP conversion factor (GDP) to market exchange rate, World bank, Price level ratio of PPP conversion factor (GDP) to market exchange rate, <https://data.worldbank.org/indicator/PA.NUS.PPPC.RF>; GDP (current US\$), World bank, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 15.03.2026).

⁹ Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ – 2017. Евразийский банк развития, 10 октября 2017. <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/monitoring-vzaimnykh-investitsiy-v-stranakh-sng-2017/> (дата обращения: 10.08.2026).

Противоположная динамика обоих показателей согласуется с указанным выше тезисом об усилении асимметрии между центром и периферией мировой экономики. Россия, одновременно испытывая отток стоимости в отношении центра мировой экономики и приток из стран постсоветского пространства, занимает, таким образом, полупериферийное положение в международной экономической иерархии. Однако разрыв между двумя показателями сохранял тенденцию к росту на протяжении всего исследуемого периода (рис. 2).

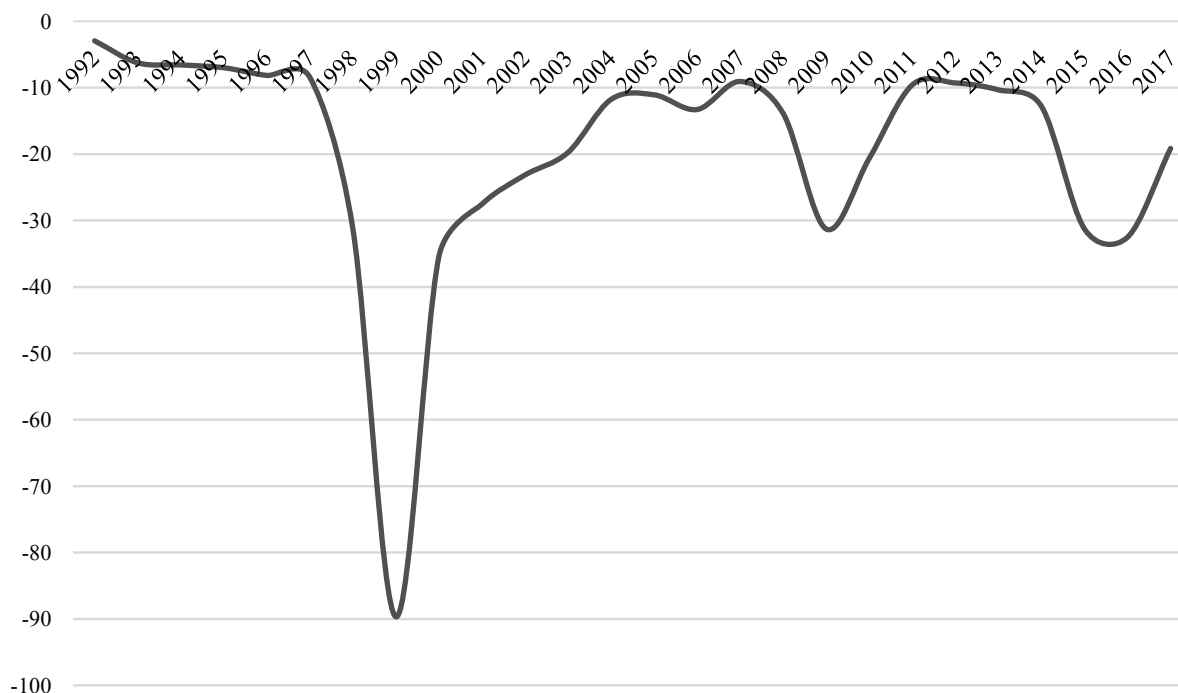

Рис. 2. Отношение оттока стоимости из РФ в пользу центра мировой экономики к притоку из республик бывшего СССР

Источник: составлено автором на основании данных UNCTAD-Eora Global Value Chain Database, <https://worldmrio.com/eora26/>; Population, total, World bank, <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL>; Price level ratio of PPP conversion factor (GDP) to market exchange rate, World bank, Price level ratio of PPP conversion factor (GDP) to market exchange rate, <https://data.worldbank.org/indicator/PA.NUS.PPPC.RF>; GDP (current US\$), World bank, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 15.03.2026).

Так, в 1992 г. общий отток стоимости через канал абсолютной ренты превосходил приток из постсоветских республик в 3 раза, а в 2017 г. – в 19 раз. Это показывает, что выгоды от преимущественного положения России в регионе во все меньшей степени компенсировали отток стоимости в торговых связях прежде всего со странами ЕС и КНР, доля которых во внешнеторговом обороте России росла на протяжении 1990–2010-х гг. Полученные оценки указывают на усиление периферийных черт положения России в мировой экономике.

Заключение

Результаты исследования показывают высокую теоретическую и эмпирическую значимость проблемы неэквивалентного обмена в мировой экономике, который становится одним из ключевых факторов глобального неравенства. После распада СССР страны постсоветского пространства встроились в мировую капиталистическую систему на правах периферии. Непаритетные условия интеграции республик в мировое хозяйство характеризуются значительным отклонением национальных валютных курсов от паритета покупательной способности. Это свидетельствует о значительной недооценке денежного выражения национального рабочего времени в сравнении

со странами капиталистического центра. Вместе с тем иерархичность экономических отношений воспроизводит себя на региональном уровне. Россия, занимая более выгодное положение в международном разделении труда, выступает в роли реципиента стоимости, при этом передавая значительную часть собственной стоимости в пользу более сильных экономик. Расчеты показывают усиление асимметрии между потерями и приобретениями России в отношениях неэквивалентного обмена, что позволяет сделать вывод об усилении ее периферийных черт.

В условиях деглобализации мировой экономики возможности выхода из непаритетных отношений в значительной степени затрудняются. Когда развитые страны центра вводят протекционистские меры против стран периферии, для последних это неизбежно оборачивается потерями. Если они не отвечают на протекционистские меры, то теряют сбыт, лишаются притока иностранной валюты и доступа к технологиям. Вместе с этим растет долговая зависимость таких стран. Если периферийная экономика пытается компенсировать внешнее давление методами внутренней девальвации, это ведет к усилению неэквивалентности и оттока стоимости вовне. Таким образом, деглобализация способствует усилению глобального и регионального неравенства и ставит перед Россией задачу поиска пути укрепления экономической самодостаточности и технологического развития в условиях постоянно возрастающего внешнего давления.

Литература / References

- Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2015). *Глобальный капитал*, в 2-х т., т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). М.: ЛЕНАНД. [Buzgalin, A., Kolganov, A. (2015). *Global Capital*, in 2 vols., vol. 2. Theory. The Global Hegemony of Capital and Its Limits ("Capital" re-loaded). Moscow: LENAND Publ. (in Russian)].
- Выгодский С.Л. (1975). *Современный капитализм: опыт теоретического анализа*. М.: Мысль. [Vygodskiy, S. (1975). *Modern Capitalism: An Attempt at Theoretical Analysis*. Moscow: Mysl Publ. (in Russian)].
- Комолов О.О. (2024). Неэквивалентный обмен как фактор воздействия на экономическое развитие России. *Вестник Института экономики Российской академии наук* (4), 47–64. [Komolov, O. (2024). Unequal exchange as a factor affecting Russia's economic development. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences* (4), 47–64 (in Russian)].
- Комолов О.О. (2025). Воздействие внешних факторов на развитие экономики России и теория неэквивалентного обмена. *Российский экономический журнал* (4), 28–45. [Komolov, O. (2025). Impact of external factors on Russia's economic development and the theory of unequal exchange. *Russian Economic Journal* (4), 28–45 (in Russian)]. DOI: 10.52210/0130-9757_2025_4_28 EDN: NFGVOW
- Кузнецов А.В., Гемуева К.А., Квашнин Ю.Д. и др. (2017). *Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ – 2017*. СПб.: Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития, 55 с. [Kuznetsov, A., Gemueva, K., Kvashnin, Yu. et al. (2017). *Monitoring of Mutual Investments in CIS Countries – 2017*. St. Petersburg: Centre for Integration Studies, Eurasian Development Bank (in Russian)].
- Попов Д.С. (2015). Трудовая миграция из Таджикистана в цифрах. *Российский институт стратегических исследований*, 29 мая. [Popov, D. (2015). Labor migration from Tajikistan in figures. *Russian Institute for Strategic Studies*, May 29 (in Russian)]. <https://riss.ru/analitica/trudovaya-migratsiya-iz-tadzhikistana-v-tsifrakh/> (дата обращения: 10.08.2026).
- Путинцев И.С. (2018). *Особенности внутривнутриполитического развития Молдавии в постсоветский период (1991–2016 гг.)*. Дис. ... канд. ист. наук. М.: МГИМО МИД России. [Putintsev, I. (2018). *Domestic Political Development of Moldova in the Post-Soviet Period (1991–2016)*. Candidate of Sciences Dissertation in History. Moscow: MGIMO University (in Russian)].
- Эргешбаев У., Ешенова С. (2016). Проблемы внешней трудовой миграции населения Кыргызстана. *Народонаселение* (1-1), 34–41. [Ergeshbaev, U., Eshenova, S. (2016). Problems of external labor migration of the population of Kyrgyzstan. *Narodonaselenie* (1-1), 34–41 (in Russian)]

- Amin, S. (2012). The surplus in monopoly capitalism and the imperialist rent. *Monthly Review* **64**(3), 78–85.
- Anand, S., Segal, P. (2015). The global distribution of income. In: Atkinson, A., Bourguignon, F. (eds.) *Handbook of Income Distribution*, vol. 2 (pp. 937–979). Amsterdam: Elsevier.
- Baiman, R. (2010). The infeasibility of free trade in classical theory: Ricardo's comparative advantage parable has no solution. *Review of Political Economy* **22**(3), 419–437. DOI: 10.1080/09538251003665693
- Baran, P., Sweezy, P. (1966). *Monopoly Capital: An Essay on the American Economic and Social Order*. N.Y.: Monthly Review Press.
- Bossoutrot, S.K. (2005). *Microfinance in Russia: Broadening access to finance for micro and small entrepreneurs*. World Bank Working Paper no. 67. Washington, D.C.: World Bank, 93 p.
- Cope, Z. (2019). *The Wealth of (Some) Nations: Imperialism and the Mechanics of Value Transfer*. L.: Pluto Press.
- Emmanuel, A. (1972). *Unequal Exchange: A Study of the Imperialism of Trade*. N.Y.: Monthly Review Press.
- Lenzen, M., Moran, D., Kanemoto, K., Geschke, A. (2013). Building Eora: A global multi-regional input-output database at high country and sector resolution. *Economic Systems Research* **25**(1), 20–49. DOI: 10.1080/09535314.2013.769938
- Piketty, T. (2020). *Capital and Ideology*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1104 p.
- Shaikh, A. (2016). *Capitalism: Competition, Conflict, Crises*. Oxford: Oxford University Press.
- Skakova, D., Livny, E. (2020). *Tajikistan Diagnostic*. L.: European Bank for Reconstruction and Development. 47 p.
- Ricci, A. (2016). *Unequal Exchange in International Trade: A General Model*. Urbino: University of Urbino.
- Ricci, A. (2021). *Value and Unequal Exchange in International Trade: The Geography of Global Capitalist Exploitation*. Abingdon; N.Y.: Routledge.